

В. Г. Графский¹**РУССКАЯ ПРАВОВАЯ ФИЛОСОФИЯ В ДИАЛОГЕ КУЛЬТУР
(Из опыта XIX и XX вв.)**

В наборе существующих методологических подходов к изучению права философский подход является самым объемным «вместилищем» диалоговой формы обсуждения предельных универсалий современного правоведения, таких как свобода, равенство, справедливость, мир, общее благо, ответственность человека, в особенности человека мыслящего, умелого, нравственно-ответственного и т. д. При этом философия может становиться местом диалогического обмена в виде коммуникативного общения, включающего диалог школ, течений, традиций и в отдельных случаях многовековых или многолетних культурных традиций и ориентаций. В культуре Запада этот обмен аргументами и репликами легко узнается в диалогах языческой и религиозной христианской традиций, символическим олицетворением которых в философии становятся Афины и Иерусалим. В некоторых странах, в частности таких, как Россия, межкультурный диалог принимает вид полемики православных и католических богословов и публицистов, в особенности после падения Византии, когда Москва претендовала на роль Третьего Рима. Позднее Россия становится местом сильно поляризованной конфронтации старых и новых традиций, в том числе советских и постсоветских политических и правовых традиций.

В статье представлены некоторые из традиций на примере творчества двух выдающихся философов права двух исторических периодов — периода взлета философской правовой мысли, олицетворением которого стало творчество философа, поэта и публициста Владимира Соловьева (конец XIX в.), и периода уникальной идейной конфронтации советской и нарождающейся постсоветской культурных традиций конца XX столетия, талантливым комментатором которой стал академик Российской академии наук Владик Нерсесянц.

Сквозными темами в творчестве Соловьева предстают: новое истолкование давней социал-политической идеи о мировой монархии и роли Рима и России в ее возможном претворении; новое восприятие социальной роли права и государства, связанное с оригинальной синтетической философской системой, названной Соловьевым философией всеединства, в которой право предстает синтезом требований равенства и свободы, претворяемых в виде принудительного баланса личной свободы и общего блага. В. Соловьеву также принадлежит заслуга в разработке оригинальной версии концепции *этического минимума в праве*, согласованной с общим религиозно-философским учением о божественном и человеческом началах социальной жизни, в особенности с обоснованием новой разновидности прав человека, названной философом *правом на достойное существование*. К числу положительных общественных форм жизни Западной Европы философ

относил правовое государство, правда, для него оно не было окончательным вариантом воплощения человеческой солидарности, а только ступенью к высшей форме общения. Право свободы основано на самом существовании человека и должно быть обеспечено извне государством. Степень осуществления этого права всецело зависит от многих внутренних условий, прежде всего от степени достигнутого нравственного сознания.

Французская революция имела бесспорный ценный опыт в этой области, что было связано с «объявлением человеческих прав». Это объявление было исторически новым по отношению не только к Древнему миру и Средним векам, но и к позднейшей Европе. Из двух начал — «человек» и «гражданин», — бессвязно сопоставленных (вместо того чтобы второе подчинить первому), низший принцип («гражданин») как более конкретный и наглядный оказался более сильным и вскоре «заслонил собою высший, а затем и поглотил его по необходимости». Нельзя было в формуле человеческих прав после фразы «права человека» добавлять «и гражданина», поскольку тем самым смешивалось разнородное и ставилось на одну доску «условное с безусловным».

Высказанные Соловьевым суждения об иерархии прав сделали возможным по-новому взглянуть на их общую совокупность и взаимозависимость. Исходным здесь может считаться представление о том, что все права человека (права—потребности духовные, физико-биологические, профессиональные и т. п.) должны восприниматься как своего рода частица (фракция) личностных прав человека. Подобное восприятие следствий, которые извлекаются из этой конструкции, позволяет говорить о разнохарактерности и неравноценности политических и частных гражданских прав человека, а сам человек выглядит главным субъектом признанных или предполагаемых индивидуально-личностных правоприятий. При этом общая совокупность тех и других задается его интуитивным или осознанным устремлением к счастливой и достойной жизни с постоянным преодолением наличных и потенциальных трудностей (от первичных материальных и духовных потребностей и обременений в виде болезней, страха смерти до ощущения тоски, отчаяния и общего трагизма существования). Как значительные воспринимаются в данном контексте и возвышенные устремления человека. «Если человек не мечтает о храме, ему никогда не построить и красивой мансарды» (Э. Мунье).

Идеи и взгляды В. Нерсесянца, высказанные им после 1989 года, сегодня воспринимаются как оригинальные и плодотворные для общей теории права рассматриваемого периода. Они заметно выделяются из многих других, появившихся в печати в постсоветской России, своей комплексностью и отчетливой обособленностью от концепций прошлых и доминирующих современных. Автор исходит из предположения, что обсуждаемое в его работах *«цивилизаторное общество»* является наиболее адекватным для России ориентиром и направлением развития во имя

¹ Главный научный сотрудник Института государства и права РАН (Москва), доктор юридических наук, профессор.

достижения высшей стадии социетального развития, которую он именуется также «постсоциализмом» и на которой будут воплощены все требования, присущие надлежащему правовому общению. Право в этом новом историческом положении станет средоточием всех требований, которые присущи ему по природе и которые представляют собой требования *равенства, свободы и справедливости*.

Политическая философия и тесно связанная с ней правовая философия ориентированы на прояснение проблем властного правления на основе принципов *законности и справедливости* и обсуждение статусных и ролевых особенностей участия

в этом процессе человека как гражданина и государства как наиболее концентрированного средоточия властного влияния и принуждения в обеспечении указанных принципов (они же — благотворные цели властного правления). С некоторых позиций законность и справедливость выступают такими универсальными категориями, которые обнаруживают свою аналитическую и практическую пригодность во все общеизвестные исторические эпохи существования государства у разных народов и в этом смысле могут претендовать на роль универсальных категорий в обсуждении проблематики диалога культур и партнерства цивилизаций.